

УДК 94:7.033 (571.1)

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СИСТЕМА  
БОРЬБЫ ПРОТИВ ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА**  
*Ю. А. Бортникова, О. Н. Науменко, Е. А. Науменко*

**THE PUBLIC EDUCATION AS A SYSTEM OF STRUGGLE AGAINST ISLAMIC EXTREMISM**  
*Y. A. Bortnikova, O. N. Naumenko, E. A. Naumenko*

В статье на основе теории модернизации и цивилизационного подхода рассматривается исторический и современный опыт воздействия на религиозное сознание мусульман через систему образования на территории Тюменской области, с целью предупреждения экстремистских настроений, на основе проведенного в 2009 – 2014 гг. эксперимента. Под исламским экстремизмом понимается приверженность крайним взглядам и мерам, существующим в радикальных вариантах религии. Авторы учитывают особенности религиозной психологии представителей разных культурно-цивилизационных систем: православной и мусульманской, входящих в состав экспериментальных учебных групп.

В статье анализируется современная система конфессионального образования в Германии с выявлением недостатков и противоречий. Авторы подчеркивают, что изученный опыт не обеспечивает религиозную толерантность в немецком обществе, и обращаются к практике конфессионального образования Российской империи. Апробация дореволюционного опыта России проведена с поправкой на современные политические, правовые, гуманитарные и культурные условия развития региона на базе преподавания на младших курсах вуза дисциплины конфессионального содержания. Авторы на основе экспериментального опыта подчеркивают, что религиозный экстремизм значительно легче предотвратить через систему образования, чем бороться с уже возникшим и сформированным явлением. В качестве результатов исследования в статье отмечено, что изученный опыт эффективен и рекомендуется к применению в качестве превентивной меры в малых группах молодежи без численного доминирования мусульман.

In the article on the basis of modernization theory and civilizational approach examines the historical and contemporary experiences of the impact on the religious consciousness of students through the education system in the territory of the Tyumen region, to prevent extremist views, on the basis of the conducted in 2009 – 2014 the experiment. The Islamic extremism means as a commitment to extreme views and actions existing in radical versions of Islam. The authors take into account the peculiarities of religious psychology of representatives of different cultural and civilizational systems: Orthodox and Muslim included in the experimental study groups.

The article analyzes the modern system of religious education in Germany with identifying weaknesses and contradictions. The authors stress that the experience does not provide religious tolerance in German society, and refer to the practice of religious education of the Russian Empire. Testing of pre-revolutionary experience of Russia, adjusted for current political, legal, humanitarian and cultural conditions for the development of the region on the basis of teaching for Junior courses of the University discipline confessional content. The authors on the basis of pilot experience stress that religious extremism is much easier to prevent through the education system than combat emerged and formed the phenomenon. As the results of the study in article noted that explored the experience of effective and is recommended as a preventive measure in small groups of young people without numerical dominance of Muslims.

**Ключевые слова:** ислам, экстремизм, терроризм, мусульмане, образование, конфессии, толерантность, Тюменская область, Германия, педагогический эксперимент, культурно-исторический тип, конфессиональное образование.

**Keywords:** Islam, extremism, terrorism, Muslims, education, faiths, tolerance, Tyumen region, Germany, pedagogical experiment, the cultural-historical type, confessional education.

Начиная с 1773 г., Российское государство имело четкую конфессиональную политику в отношении ислама: считалось, что нормативный вариант этой религии, незначительное отступление от которого могло привести к джихаду и межконфессиональной войне, не должен распространяться на территории России [4, с. 55]. Одним из средств достижения этой цели было сближение православной и мусульманской

культур, что осуществлялось через введение у мусульман некоторых христианских традиций (например, использование «крещеной воды», погребальной практики на третий день и т. д.).

Сближение культур практиковалось и через систему образования. Государство, например, открывало смешанные русско-татарские школы, где учителя с обязательным владением русским и татарским языка-

ми обучали детей разных религиозных конфессий по установленным программам [2, с. 102], ориентированным, прежде всего, на русификацию, но в целом – на воспитание веротерпимости и чувства гордости мусульман за причастность к истории и культуре Российской империи. Опыт советского периода также содействовал национальному сближению через широко распространенную идею дружбы народов, реализация которой осуществлялась во многом через систему школьного образования. Эффективность государственной национальной политики подтверждается тем фактом, что с 1773 по 1991 гг. на юге современной Тюменской области не было ни одного случая религиозного противостояния мусульман с представителями иных конфессий [4, с. 112].

С 1991 г. в силу изменения идеологии и политической системы государство отказалось от контроля за развитием ислама, и ситуация в Тюменской области изменилась. Миграционные потоки с Кавказа и Средней Азии, проникновение знаний о нормативном исламе из Медины и Мекки, обучение мулл в странах Арабского Востока и ряд других факторов содействовали распространению не только нормативного ислама, но и его радикальных направлений. В частности, в 1998 г. Н. Х. Аширов и А.-В. Ниязов привезли в Тюмень лидера американской экстремистской организации «Нация ислама» Л. Фаррахана, выступавшего с радикальными речами и призывами. Хотя он вскоре был выдворен из России, но в регионе начали действовать структуры экстремистской партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» [7, с. 25], которые в Тюменской области готовили крупные теракты, сорванные исключительно благодаря слаженной и самоотверженной работе спецслужб и местной милиции.

В 2004 г. прошли аресты террористов [3, с. 12], получивших в 2005 г. тюремные сроки. Но в последующее десятилетие ситуация изменилась незначительно: «автопробеги» автомобильных колонн с черными знаменами джихада, столкновения «русских и мусульман», в том числе вооруженные, с сотнями участников с обеих сторон, и подобные явления стали привычным атрибутом жизни городов ХМАО и ЯНАО. В 2009 – 2010 гг. правоохранными органами был раскрыт и нейтрализован религиозно-диверсионный лагерь при мечети «Нур ислама» в Новом Уренгое [6, с. 266]. Эти события не освещаются в СМИ, но известны каждому из многомиллионного населения автономных округов. Характерен факт изменения формы мечетей: на севере Тюменской области появились мечети с архитектурным образом рибата – крепости для джихада [8, с. 101]. Нужно отметить, что подобные проявления категорически не принимаются большинством представителей «народного» ислама из числа татар и казахов региона. Чувствуя ответственность за судьбу ислама в Тюменской области, они делают все возможное для противодействия экстремизму путем «перевоспитания мусульман-мигрантов», однако без государственной поддержки им эту задачу не решить.

Впервые в современной России идея целенаправленного воздействия на культуру ислама через систе-

му школьного образования как одного из средств борьбы с терроризмом была предложена Ю. М. Антоняном [1, с. 230]. Автор обосновал необходимость введения для учеников-мусульман обязательной дисциплины по изучению Корана, с акцентом на суры, касающиеся веротерпимости и нравственных ценностей. Эта идея поначалу не нашла поддержки у представителей государственной власти в силу ее противоречия Конституции РФ: нарушались принципы светского характера государства и равенства религий. Между тем, в учебный курс государственных и муниципальных школ были введены такие дисциплины, как: «история религий», «религиоведение», консультации по вопросам религии и т. п., которые, пополняя знания учеников в целом, все же не обеспечивали конфессиональную толерантность.

Европейский Союз, столкнувшись с крахом идеи мультикультурализма и религиозным экстремизмом, также не может действовать более решительно в силу сложившегося демократического мировоззрения и развитым в нем понятием «свободы»: любое давление или корректировка поведения рассматривается как нарушение прав личности. Это влияет на содержание религиозного образования, в котором наиболее преуспела современная Германия. В ее истории накоплен богатый опыт католического и лютеранского образования с целью закрепления в обществе немецкой культуры и системы нравственных ценностей, при этом школа сама выбирает религию для преподавания [9, с. 21]. В соответствии с этой традицией и нормативной базой, в начале XXI в., когда численность мусульман в Германии достигла 8 %, там было введено преподавание ислама для детей из мусульманских семей.

Программы, отличающиеся в разных землях в соответствии с доминирующим там вариантом ислама, основываются на том, что школа должна воспитывать в учениках духовность, а не просто давать знания о религии. Преподаватели отказались от оценок религиозных течений, подчеркивая, что каждая религия самоценна. Обучение проходит в двух основных формах:

- 1) консультации по религии в рамках занятий по родному языку (земли Баден-Вюртемберга, Берлина, Бремена, Гамбурга, Саара и Шлезвиг-Гольштейна);
- 2) официальный урок в школе (в Гессене, Нижней Саксонии, Северном Рейне-Вестфалии и Рейнланде-Пфальце) [9, с. 48].

Между тем, по мнению Д. Эспозиго, такие организационные формы обучения исламу содействуют сохранению этнической культуры, но только не формированию конфессиональной толерантности [10, с. 297].

Среди слабых моментов этой системы можно отметить следующее.

1. По мнению Д. Эспозиго, «поскольку исламская религия разделяется на множество течений, то не для всех подходят данные уроки», – т. е. делается акцент на изучение того варианта ислама, какой предпочитает семья ученика. Однозначно, что данный подход может культивировать экстремизм. Для предотвра-

ния этой опасности занятия, как правило, проводят светские преподаватели под прицелом видеокамер, однако и это не гарантирует отсутствие радикальных идей: они могут носить скрытую форму, представляя собой непонятную для непосвященного в ислам интерпретацию сур Корана.

2. Занятия проходят в мононациональных (как правило, турецких) классах, на родном языке. Таким образом, в процессе обучения ученики замыкаются в рамках своей национальной культуры и практически не соприкасаются с немецкой культурой: изучая историю Германии в целом, они ничего не знают о лютеранстве. С другой стороны, ученики немецкого происхождения ничего не знают об исламе и культуре Турции. Данные обстоятельства не могут содействовать воспитанию религиозной толерантности.

Эти проблемы преодолены в ходе педагогического опыта одного из авторов статьи. Опираясь на дореволюционный опыт целенаправленного изменения религиозной культуры учащихся в смешанных православно-мусульманских классах, при условии равного владения учителем обеих культур, в 2009 – 2014 гг. в Тюменской государственной академии международной экономики, управления и права в рамках специальности «регионоведение» автор провел эксперимент по преподаванию дисциплины «Религии изучаемого региона».

Первоначальная цель эксперимента не включала воспитание конфессиональной толерантности, а была направлена на повышение качества образования. Предполагалось, что выпускники данной специальности будут работать в системе государственного и муниципального управления Тюменской области как на управленческих должностях, так и в качестве консультантов по особенностям развития региона. В связи с тем, что этно-конфессиональные процессы в Тюменской области обладали исключительной сложностью, на изучение дисциплины «Религии изучаемого региона» был отведен годовой курс объемом 144 часа аудиторных занятий с зачетом и экзаменом (общее количество часов – 292 на группу). Программа предполагала изучение не только истории религий, их особенностей в Тюменской области и современного состояния, но и более глубокое освоение: непосредственное изучение Корана, Библии и Торы в интерпретациях разных богословов. Курс также предполагал обязательное посещение мечети, православной церкви, католического костела и синагоги, а также изучение музейных фондов с экспонатами религиозных культур. Предполагалось, что при таком подходе студенты смогут стать высококвалифицированными специалистами в сфере этно-конфессиональных отношений региона.

Количество студентов в обучаемых группах варьировалось, в среднем составляя 15 человек (одна группа на потоке), среди которых доминировали представители православной и мусульманской культур. Отказаться от изучения религиозного первоисточника и посещения культового учреждения «не своей» религии было нельзя в силу обязательного изучения дисциплины. Кроме того, необходимость изуче-

ния дисциплины определялась связью «не сдана тема – не сдан экзамен – отчисление». При этом студентам объяснялось, что преподаватель обычно идет на встречу их религиозным чувствам, но не в этом случае, а при несогласии с содержанием дисциплины студент может перевестись на другую специальность. Таким образом, студентам фактически не оставляли выбора.

В отличие от опыта конфессионального обучения Германии, в учебном процессе преподаватель не отказывался от оценочных категорий и понятий, таких как: «тоталитарная секта – плохо / ортодоксальное православие – хорошо», «исламский фундаментализм – плохо / традиционный ислам – хорошо» и пр. Но при этом каждое занятие начиналось с позитивной оценки изучаемой мировой религии, например: «Ислам – одна из самых веротерпимых и замечательных религий, а Коран – мудрейшая в мире книга». Это послы изначально формировал у студентов-мусульман доверие к преподавателю и отнесение его к миру «своих», одновременно настраивая студентов других конфессий на уважительное отношение к исламу. При обучении акцент не ставился на какой-либо один вариант ислама: изучались постулаты всех наиболее крупных школ и направлений в сравнительном контексте, с их обязательной оценкой.

Результаты изучения дисциплины в первый же год показали высокий уровень знаний, но одновременно проявился позитивный «побочный эффект»: в группе исчезли национальные и религиозные противоречия. В последующие четыре года формирование конфессиональной толерантности было определено как одна из целей эксперимента, и желаемый результат ежегодно подтверждался. Результаты опросов студентов разных вероисповеданий и культур свидетельствуют, что они начали хорошо понимать друг друга. Это утверждение характеризуют высказывания студентов такого типа, как «...если бы я раньше знала то, что знаю сейчас, я бы никогда ему [мусульманину] такого не сказала...», «теперь я понимаю, почему он [мусульманин] так поступил...», «я раньше презирал русских, но теперь понимаю: религия у них такая...» и т. п. К сожалению, в 2014 г. вуз закрыли как финансово неэффективный, и эксперимент прервался.

Описанный подход можно применять как превентивную меру, но он малоэффективен при обучении студентов с высоким уровнем религиозности. Интересен пример, иллюстрирующий такое утверждение. В составе одной из групп училось два человека, принявшие радикальный вариант ислама: студент русской национальности и студентка казахской национальности. Религиозное сознание студента удалось переломить только через два года, при поддержке муллы и верующего мусульманина, предложившего помощь. При этом студент отвергал любые беседы педагогов, и воздействие на него пришлось осуществлять помощнику-мусульманину под вымышленным именем, через контакты в Интернете, пока студент не согласился встретиться с муллой, заранее ознакомленным с проблемой. Религиозное же сознание студентки удалось лишь отчасти смягчить в плане отно-

шения к товарищам по общежитию (например, не ставить громко будильник на 5 часов утра для совершения намаза и т. п.), но изменить ее представления и преодолеть религиозную агрессию не удалось.

Из практики нашего эксперимента можно подвести некоторые итоги и, прежде всего, указать на общую эффективность превентивной работы в сфере исламского экстремизма и конфессиональной толерантности. Такой эффект достигнут посредством погружения студентов в содержание специального курса «Религии изучаемого региона», построенного на использовании опыта конфессиональной политики и просвещения дореволюционной России. Содержательное изложение такого опыта наиболее действенно проявляется при следующих условиях.

1. Количество студентов-мусульман в группе должно быть меньше 50 % от общего ее состава. При большем числе срабатывает социально-психологическая установка доминирования, при которой происходит частичная деиндивидуализация сознания студентов большей части группы. Обсуждаемый смысловой материал подкрепляется коллективным архетипическим значением конфессионального образа. Этот эффект производит сильное групповое противодействие логике толерантного сравнения и сопоставления догматических, обрядовых и других конфессиональных построений. Кроме эффекта доминирования, в практике образовательного процесса при численном превосходстве студентов-мусульман четко реализуются и другие социально-психологические групповые эффекты.

Эффект «заражения» определяет доминирующее влияние на сознание группы наиболее ортодоксальных конфессиональных и связанных с ними поведенческих позиций отдельных студентов, действия и взгляды которых некритически начинают поддерживаться всеми членами группы. Кроме того, весьма заметным остается и групповой эффект социальной установки «исключительности и избранности», изменить который должен преподаватель, гармонизируя этнические и конфессиональные отношения студентов в их социальной, профессиональной, бытовой действительности.

Нельзя не отметить исключительно важный эффект групповой динамики, имеющий значение в процессе эффективной конфессиональной гармонизации студентов, достигаемый средствами специализированных занятий – конфессиональный конформизм. Чем больше будет численное доминирование представителей ислама в одной учебной группе, тем больший эффект конформных реакций мы будем наблюдать в группе. Поэтому подавляющее количество студентов данной конфессиональной ориентации будет поддерживать и проявления крайних типов своих конфессиональных догматов. Переломить такой социально-психологический эффект средствами педагогического воздействия бывает чрезвычайно трудно.

Методически правильное, психологически выверенное формирование академической учебной группы является первоосновой продуктивной и, в конечном счете, эффективной мерой успеха конфессионального

просвещения и гармонизации социальных отношений вузовской молодежи.

2. Наиболее восприимчивым возрастом студентов в данном эксперименте является 17 – 19 лет. Поэтому дисциплину этно-конфессионального цикла необходимо планировать на младших курсах вуза (1 – 2 курсы) или в старшем классе средней профессиональной и общеобразовательной школы.

3. Очень важен численный состав академических групп, изучающих эту дисциплину: оптимальное число студентов должно соответствовать – 8 – 15 человек (что в социально-психологическом измерении соответствует характеристикам малой группы).

4. Объем аудиторных и внеаудиторных занятий должен быть содержательно-достаточным, т. е. конфигурация этнической и конфессиональной гармонизации в процессе занятий должна осуществляться регулярно и длительное время.

5. Обязательными являются требования к преподавателям конфессиональных дисциплин: их должна отличать высокая квалификация и значительный авторитет. Преподаватель не должен быть глубоко верующим человеком, – этот факт позволит ему не отдавать предпочтение ни одной религии. Именно поэтому для преподавания дисциплин конфессионального цикла нельзя приглашать священнослужителя какой-либо конфессии.

6. Включение в учебный план дисциплин конфессионального цикла в том объеме и варианте, который присутствовал в эксперименте, представляется, в определенной мере, делом затратным. Однако необходимость такой практики вузовского образования диктуется необходимостью построения надежного конфессионального мира, благополучия и гармонизации, поэтому затраты на такую работу имеют достаточное основание.

В качестве выводов можно отметить следующее.

1. Сложная этно-конфессиональная ситуация в Тюменской области требует поиска новых методов профилактики экстремизма, в связи с чем использование исторического опыта формирования религиозной толерантности через систему образования представляется вполне оправданным и продуктивным шагом.

2. Именно система образования представляется наиболее эффективным механизмом в процессе воспитания межконфессионального согласия, что является одним из средств борьбы с экстремизмом, т. к. призвана сформировать новое поколение с устойчивыми соответствующими мировоззренческими установками.

3. Воспитание религиозной терпимости и межконфессионального взаимодействия должно проводиться с учетом возрастных, культурных, мировоззренческих и иных различий обучающихся, а также этноконфессиональных особенностей России.

4. Рассмотренный опыт может являться частью государственной программы по разрешению этноконфессиональных противоречий, в комплексе с иными мерами правового, политического, воспитательного характера.

### Литература

1. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Щит М, 2001. 306 с.
2. Бакиева Т. Г. Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 8. С. 100 – 109.
3. Бобров И. Г. Молодежный экстремизм в Тюменской области: общая характеристика, формы проявления // Профилактика экстремизма в молодежной среде: материалы регион. науч.-практ. конф. Тюмень, 2011. С. 11 – 14.
4. Бортникова Ю. А. Государственная политика как фактор эволюции мусульманской художественной культуры Тюменского региона (1773 – 1991 гг.): дис... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 265 с.
5. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Т. 1: Источники и историография: коллективная монография / под ред. А. П. Яркова. Тюмень, 2007. 418 с.
6. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Т. 3: Трансформация сибирской чумы в XIX – XX вв.: коллективная монография / под ред. А. П. Яркова. Казань, 2012. 338 с.
7. Доценко Е. Л. Социально-психологические особенности лиц, склонных к проявлению экстремистских взглядов, и предпосылки их формирования // Профилактика экстремизма в молодежной среде: материалы регион. науч.-практ. конф. Тюмень, 2011. С. 24 – 29.
8. Кабдулвахитов К. Б. Мечети и мусульманские организации Тюменской области: информационный справочник. Тюмень: Печатник, 2011. 119 с.
9. Щербанев Д. Ю. Внедрение обучения исламу в систему религиозного образования государственных школ современной Германии: дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д., 2009. 167 с.
10. Esposito J. Islam and Politics. Syracuse. New-York: Syracuse University Press, 1991. 352 с.

### Информация об авторах:

**Бортникова Юлия Александровна** – кандидат исторических наук, ассистент кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала Тюменского государственного университета в г. Заводоуковск, [soroka-jul@rambler.ru](mailto:soroka-jul@rambler.ru).

**Julia A. Bortnikova** – candidate of historical Sciences, assistant Professor Humanities and natural Sciences branch of Tyumen state University, Zavodoukovsk.

**Науменко Ольга Николаевна** – доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Тюменского государственного университета, [hea2004@mail.ru](mailto:hea2004@mail.ru).

**Olga N. Naumenko** – doctor of historical Sciences, Professor of Department of constitutional and municipal law of the Tyumen state University.

**Науменко Евгений Александрович** – доктор психологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тюменского государственного университета, [hea2004@mail.ru](mailto:hea2004@mail.ru).

**Yevgeny A. Naumenko** – doctor of psychological Sciences, Professor of the Department of state and municipal administration of Tyumen state University.

*Статья поступила в редколлегию 14.01.2015 г.*